

ОДИССЕЙ

2005

Время и пространство
праздника

Школа «Анналов» на рубеже
веков

Девiantное поведение русских
горожан в XVIII веке

Caritas Святого Геральда

Павел I: рыцарство и юродство

«Your country needs you»

НАУКА

2005

ОДИССЕЙ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF UNIVERSAL HISTORY

ODYSSEUS

Man in History

*Festival:
Time and Space*

2005

ОДИССЕЙ

Человек в истории

*Время и пространство
праздника*

2005

Продолжающееся издание
“Одиссей. Человек в истории”
основано в 1989 году

Главный редактор
А.Я. ГУРЕВИЧ

Редакционная коллегия:

М.Л. АНДРЕЕВ, Л.М. БАТКИН,
Г.В. БОНДАРЕНКО (ответственный секретарь),
Б.С. КАГАНОВИЧ, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (зам. главного редактора),
В.Н. МАЛОВ, С.В. ОБОЛЕНСКАЯ, М.Ю. ПАРАМОНОВА,
А.В. ТОЛСТИКОВ, П.Ю. УВАРОВ, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ,
А.Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

Секретарь редакции М.Л. КОПЫТОВА

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, ВОЙЦЕХ ВЖОЗЕК, НАТАЛИ ЗЕМОН ДЭВИС,
ВЯЧ.ВС. ИВАНОВ, ЖАК ЛЕ ГОФФ, Е.М. МЕЛЕТИНСКИЙ,
В.И. УКОЛОВА, А.О. ЧУБАРЬЯН

Рецензенты:

кандидат исторических наук В.Г. ЧЕНЦОВА,
кандидат исторических наук А.В. ШАРОВА

Одиссей : Человек в истории / [гл. ред. А.Я. Гуревич ; Ин-т всеобщ.
истории]. – М. : Наука, 1989. –

2005. – 2005. – 470 с. – ISBN 5-02-010264-4 (в обл.).

В статьях ведущих представителей “школы Анналов” – М. Эмара и Ж.-И. Гренье обсуждаются проблемы эпистемологии и теории исторического познания. Главный раздел номера посвящен историческому анализу феномена праздничной культуры. Большое внимание уделяется также теме “Историк и изображение”. В этом разделе публикуется статья выдающегося итальянского историка К. Гинзбурга.

Для специалистов по гуманитарным наукам и широкого круга читателей.

Темплан 2005-I-330

ISBN 5-02-010264-4

© Коллектив авторов, 2005

© Российская академия наук и издательство
“Наука”, продолжающееся издание “Одиссей.
Человек в истории” (разработка, редакцион-
но-издательское оформление), 1989 (год осно-
вания), 2005

СОДЕРЖАНИЕ

ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО ПРАЗДНИКА

Г.В. Бондаренко

ВВЕДЕНИЕ: ВРЕМЯ ПРАЗДНИКА 5

Г.В. Бондаренко

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ДРЕВНЕИР-
ЛАНДСКОГО ПРАЗДНИКА 8

М.Ю. Реутин

НЕСКОЛЬКО СООБРАЖЕНИЙ ПО ПОВОДУ КАРНАВАЛЬ-
НОГО “ХРОНОТОПА” 23

Д.Э. Харитонович

ВЕСЕЛИЕ И НАСИЛИЕ 38

З.А. Чеканцева

ПРАЗДНИК И БУНТ ВО ФРАНЦИИ МЕЖДУ ФРОНДОЙ
И РЕВОЛЮЦИЕЙ 49

Л.А. Пименова

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ КОРОЛЕВСКОГО ПРАЗДНИКА
ВО ФРАНЦИИ КОНЦА СТАРОГО ПОРЯДКА 68

В.Я. Петрухин

“ПРАЗДНИК” В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ; К ПРОБЛЕМЕ
ИСТОРИЧЕСКОЙ СПЕЦИФИКИ 81

Л.А. Трахтенберг

СУМАСБРОДНЕЙШИЙ, ВСЕШУТЕЙШИЙ И ВСЕПЬЯНЕЙШИЙ
СОБОР 89

О.С. Воскобойников, Г.В. Бондаренко

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 119

ЖУРНАЛУ “АННАЛЫ” 75 ЛЕТ

А.Я. Гуревич

ПОЗИЦИЯ ВНЕАХОДИМОСТИ 122

М. Эмар

“АННАЛЫ” – XXI ВЕК 131

Ж.-И. Гренье

РАЗМЫШЛЕНИЯ О “КРИТИЧЕСКОМ ПОВОРОТЕ” 138

ИСТОРИК И ИЗОБРАЖЕНИЕ

Ж. Баше

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИКОНОГРАФИИ 152

К. Гинзбург

“ТЫ НУЖЕН СВОЕЙ СТРАНЕ”: ИССЛЕДОВАНИЕ ИЗ ОБЛАСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИКОНОГРАФИИ 191

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

И.М. Супоницкая

КОЛОНИЗАЦИЯ ЗЕМЕЛЬ: СИБИРЬ И АМЕРИКАНСКИЙ ЗАПАД (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX в.) 219

ИСТОРИК И ВРЕМЯ

Б.С. Каганович

НАДЕЖДА ОСЕЕВНА ЩУПАК. ЖИЗНЬ И СУДЬБА 241

ЛИЧНОСТЬ И ИСТОРИЯ

Ю.П. Соловьев

РЫЦАРСТВО И ЮРОДСТВО. К ПОЭТИКЕ ОБРАЗА ИМПЕРАТОРА ПАВЛА ПЕРВОГО 262

НОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

М.М. Кром

К ПОНИМАНИЮ МОСКОВСКОЙ “ПОЛИТИКИ” XVI в.: ДИСКУРС И ПРАКТИКА РОССИЙСКОЙ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ МОНАРХИИ 283

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ*О.А. Савельева*

“СВЕТ КОНЧИНЕ МОЕЙ...”: ОБРАЗ РАЯ У СТАРООБРЯДЦЕВ 304

А.А. Панченко

КУЛЬТ ЛЕНИНА И “СОВЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР” 334

МИКРОИСТОРИЯ*А.Б. Каменский*

ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В РУССКОМ ГОРОДЕ XVIII в. 367

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО НАРРАТИВА*Ю.Е. Арнаутова*

CARITAS СВЯТОГО ГЕРАЛЬДА: К ПРОБЛЕМЕ АВТОРСКИХ ИНТЕНЦИЙ В *VITA S. GERALDI* ОДО КЛЮНИЙСКОГО 393

РЕЦЕНЗИИ И РЕФЕРАТЫ

Die Methodik der Bildinterpretation. Les méthodes de l'interprétation des images / Éd. J.-C. Schmitt, A. von Hülsen-Esch. Göttingen, 2002 (*И.Г. Галкова и С.И. Лучицкая*) 428

Лавров А.С. Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. М., 2000
Смилянская Е.Б. Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и “духовные преступления” в России XVIII в. М., 2003 (*О.Е. Кошелева*) 443

НАШИ ЮБИЛЯРЫ 456

MEA CULPA 457

SUMMARIES 459

CONTENTS

FESTIVAL: TIME AND SPACE

<i>G.V. Bondarenko</i>	
INTRODUCTION: THE TIME OF FESTIVAL	5
<i>G.V. Bondarenko</i>	
ON SOME PECULIARITIES OF THE FESTIVITY IN EARLY IRISH TRADITION	8
<i>M.Yu. Reutin</i>	
SOME DELIBERATIONS ON THE CARNIVAL'S 'CHRONOTOPE'	23
<i>D.E. Kharitonovich</i>	
JOY AND VIOLENCE	38
<i>Z.A. Chekantseva</i>	
FESTIVAL AND RIOT IN FRANCE BETWEEN THE FRONDE AND THE REVOLUTION	49
<i>L.A. Pimenova</i>	
THE SPACE AND THE TIME OF THE LATE <i>ANCIEN RÉGIME</i> FRENCH ROYAL FESTIVAL	68
<i>V.Ya. Petrukhin</i>	
'FESTIVAL' IN THE MEDIEVAL RUSS'. TOWARDS THE PROBLEM OF ITS HISTORICAL PECULIARITIES	81
<i>L.A. Trakhtenberg</i>	
ALL-MAD, ALL-JESTING, ALL-DRUNKEN ASSEMBLY	89
<i>O.S. Voskoboynikov, G.V. Bondarenko</i>	
CONCLUSION	119

ANNALES' 75TH ANNIVERSARY

<i>A.Ya. Gurevich</i>	
POSITION OF OUTSIDENESS	122
<i>M. Aymard</i>	
THE ANNALES IN THE 21 ST CENTURY	131
<i>J.-Y. Grenier</i>	
THE DELIBERATIONS ON THE 'CRITICAL TURN'	138

HISTORIANS AND IMAGES*J. Baschet*

MEDIEVAL IMAGES AND SOCIAL HISTORY: NEW POSSIBILITIES OF ICONOGRAPHY	152
--	-----

C. Ginzburg

“YOUR COUNTRY NEEDS YOU”: A CASE-STUDY IN POLITICAL ICONOGRAPHY	191
---	-----

COMPARATIVE HISTORY*I.M. Suponitskaya*

RUSSIA AND AMERICA: EXPERIENCE OF COLONIZATION (THE SECOND HALF OF THE 19 TH CENTURY)	219
--	-----

THE HISTORIAN AND THE TIME*B.S. Kaganovich*

NADEZHDA OSEEVNA STCHOUPAK. LIFE AND DESTINY	241
--	-----

INDIVIDUAL AND HISTORY*Yu.P. Solovjev*

CHIVALRY AND FOOLISHNESS FOR CHRIST’S SAKE. ON THE POETICS OF THE IMAGE OF EMPEROR PAUL I	262
---	-----

NEW POLITICAL HISTORY*M.M. Krom*

UNDERSTANDING MUSCOVITE ‘POLITICS’ OF THE 16 TH CENTURY: DISCOURSE AND PRACTICE OF RUSSIAN LATE MEDIEVAL MONARCHY	283
--	-----

THE ISSUES OF HISTORY OF POPULAR CULTURE*O.A. Savelieva*

“THE LIGHT FOR MY DECEASE...”: OLD-BELIEVERS’ PARADISE IMAGERY	304
--	-----

A.A. Panchenko

LENIN’S CULT AND THE ‘SOVIET FOLKLORE’	334
--	-----

MICROHISTORY

A.B. Kamensky

DEVIANT BEHAVIOUR IN THE 18TH CENTURY RUSSIAN TOWN 367

PROBLEMS OF HISTORICAL NARRATIVE

Yu.Ye. Arnautova

ST. GERALD'S *CARITAS*: ON THE PROBLEM OF AUTHOR'S INTENTIONS IN *VITA S. GERALDI* BY ODO OF CLUNY 393

BOOK REVIEWS

Die Methodik der Bildinterpretation. Les méthodes de l'interprétation des images / Éd. J.-C. Schmitt, A. von Hülsen-Esch. Göttingen, 2002 (*J.G. Galkova, S.I. Luchitskaya*) 428

A.S. Lavrov. Witchcraft and Religion in Russia. 1700–1740. Moscow, 2000;
Ye.B. Smilianskaya. Magicians. Blasphemers. Heretics. Popular Religious Ideas and “Spiritual Crimes” in the 18th Russia. Moscow, 2003 (*O.Ye. Kosheleva*) 443

ANNIVERSARIES 456

MEA CULPA 457

SUMMARIES 459

12 октября 2003 г. в Институте всеобщей истории РАН состоялось заседание, посвященное 75-летию юбилею журнала “Анналы”, на котором был обсужден сборник “Анналы на рубеже веков: антология”. Ниже публикуются прочитанные на заседании доклады. В дискуссии выступили: О.С. Воскобойников, С.Г. Карпюк, С.И. Лучицкая, А.А. Сванидзе, П.Ю. Уваров, Н.А. Хачатурян, З.А. Чеканцева, А.О. Чубарьян, М.А. Юсим.

А.Я. Гуревич

ПОЗИЦИЯ ВНЕНАХОДИМОСТИ¹

Посвящается Жаку Ле Гоффу
по случаю его восьмидесятилетия

Мы собрались для того, чтобы обсудить некоторые проблемы исторической науки, затронутые в антологии «“Анналы” на рубеже веков», равно как и в “Словаре средневековой культуры”, созданном коллективом отечественных медиевистов вместе с несколькими зарубежными авторами. Оба эти издания теснейшим образом, органически между собой связаны. Связаны не просто временем выхода в свет, но прежде всего по существу. О чем идет речь? Речь идет, на мой взгляд, о самом перспективном и остающемся перспективным на протяжении уже нескольких последних десятилетий направлении исторической мысли – во всяком случае в области медиевистики и начала модерна: исторической антропологии.

В первом случае наша задача заключалась в том, чтобы из многих десятков статей, опубликованных в “Анналах” начиная с 1988 г., выбрать те, что, по нашему мнению, наиболее ценны и полезны отечественному читателю. Пользуясь случаем, мне хочется выразить благодарность не только инициаторам этого издания с точки зрения его организации и финансирования – профессору Морису Эмару и возглавляемому им Дому наук о человеке, но и тем специалистам, которые откликнулись на наше приглашение и в короткий срок очень квалифицированно перевели эти материалы. Переводы всех статей были проверены профессором Алексеем Береловичем (Высшая школа социальных наук, Париж), за что я спешу высказать ему нашу признательность.

¹ Текст выступления в Институте всеобщей истории РАН 12 октября 2003 г.

Насколько эта антология доступна нашим читателям – в особенности в провинции, – это другая тема, которую я бессилён обсуждать. Боюсь, что не очень доступна. Это жаль, потому что в сборнике отобрано более дюжины статей, опубликованных начиная с программной статьи “*tournant critique*” и вплоть до самых свежих. Таким образом, нашему читателю были представлены направления исторической мысли современности, которые особенно привлекают внимание и вызывают исследовательский интерес целого ряда специалистов. Здесь уместно напомнить о том, что публикация в русском переводе книг и статей французских историков не сегодня началась. Немалое количество наиболее известных трудов наших коллег и ныне доступно русскому читателю. Что касается “Одиссея”, то в нашу традицию давно уже входит публикация наиболее интересных статей французских гуманитариев.

Как я упомянул, наряду с “Антологией” вышел в свет объёмистый “Словарь средневековой культуры” (под ред. А.Я. Гуревича. М., 2003). И здесь мы опять-таки оказались в творческом сотрудничестве с выдающимися представителями Школы “Анналов”. Одновременно с нашим словарем во Франции под руководством Жака Ле Гоффа и его ближайшего ученика и сотрудника Жан-Клода Шмитта готовился тоже такой толковый словарь Средневековья. В силу того, что, по-видимому, французские издательства работают несколько более оперативнее и не испытывают тех невзгод, которые терпят у нас многие возникающие и исчезающие издательства, словарь под редакцией Ле Гоффа и Шмитта вышел на два или три года раньше нашего.

Не мне как главному редактору и основному автору (поскольку двадцать или двадцать пять процентов этого текста я умудрился как-им-то образом сочинить) судить о качестве этого словаря, но сам факт его появления, мне кажется, можно воспринимать как определенный прорыв. Ведь историческая антропология, с позиций которой написано подавляющее большинство наших статей, была и остается достоянием лишь относительно небольшой части историков – прежде всего, медиевистов или специалистов по началу Нового времени. Историческая антропология предполагает новую проблематику и новый способ видения истории. В центре этого понимания – человек. Освоение принципов исторической антропологии далось исследователям очень нелегко и породило целый ряд эпистемологических и методологических сложностей, вызвало немало дебатов и сомнений. Естественно, все это нашло отражение в нашем словаре.

Это не обычное энциклопедическое издание, в котором вы можете прочитать и про транспортные средства, и про особенности католической литургии, и о повседневной жизни, и о высоких религи-

озных и философских идеях, – где есть все, кроме, может быть, главного, насколько я могу судить о тех многотомных словарях Средневековья, которые выходили и на немецком, и англо-американском языке. А именно: где нет единого, обобщающего, синтетического подхода к Средневековью и понимания его как периода, в котором люди были помещены в некий, образно говоря, эфир средневековой культуры, в котором все тела, все феномены, все явления и все идеи получали свой неповторимый аромат и удельный вес. В словарях, которых я говорю, – словаре Ле Гоффа-Шмитта, с одной стороны, и словаре, который мы издали – с другой, – как раз была предпринята попытка такой синтетический взгляд обрести.

Любопытно, что из этого получилось. Когда я замышлял этот словарь, мне не были ясны ни словник его – и мы долго металась в сторону, пока наконец не нашли некоторую "золотую редину", – ни состав возможных авторов, потому что приверженцы исторической антропологии – раз, два и обчелся. Пришлось привлечь кое-кого из иностранных авторов, а все-таки у нас, исключив семь или восемь "варягов", было около тридцати своих участников. Была реальна угроза, во всяком случае – некоторая опасность, все напишут по-разному, поэтому получится как в басне о лебеде, жуке и щуке. Отчасти эта опасность обнаружилась: кое-кто из авторов (и их было не так мало) написали такие статьи, которые мы с винениями должны были отклонить как совершенно не вяжущие пафосом и замыслом словаря. Но то, что в него в конечном итоге шло, примерно сто статей, образует некое концептуальное единство.

Теперь, вновь знакомясь с содержанием словаря, я с удовлетворением, но отчасти и с удивлением, убедился в том, что между разными авторами – разными по возрасту, по образованию, по тематике, над которой они работают, по склонностям, по всем их индивидуальным признакам, – много общего. Все же, перед нами словарь пронизанный некоторой единой для всего этого текста за немногими исключениями стратегией восприятия и изображения культуры Средневековья; культуры, разумеется, в широком, этнологическом антропологическом смысле.

Повторяю, это определенный прорыв в отечественной медиастике. И сколько бы недочетов там ни было (а недочеты – это прежде всего, конечно, ошибки, неточные толкования, которые не могут встретиться в таком обширном издании, и в особенности – промахи словника, в ряде случаев объяснимые, но подчас вопиющие), словарь построен на основе изучения источников и новейшей специальной литературы. Статьи, как правило довольно пространные, посвящены конкретным сюжетам. Отбор этих последних диктовался стремлением обнаружить самые различные аспекты и компоненты картины мира людей Средневековья. Это мировидение по-разному

...ность в сознании представителей различных социальных групп и профессий. Именно поэтому большое место в словаре отведено образу мировосприятия монахов, рыцарей, купцов, ростовщиков и крестьян. Наряду с ними перед нашим умственным взором предстают трубадуры и миннезингеры, скальды и барды, сочинители рыцарских романов и саг. Но не забыты и экзотические фигуры, например, ведьмы и викинги. Пристальное внимание обращают авторские статьи на такие существенные феномены средневековой культуры, которые обычно не находят места в учебниках: время и счет и восприятие; смерть и посмертная расплата за грехи, Страшный суд; потусторонний мир; фантастические предания о далеких от Европы народах, равно как и многоликие формы народного воображения...

При всем разнообразии тематики, обсуждаемой в словаре, мы постоянно стремились к тому, чтобы представить обсуждаемые явления в восприятии людей той эпохи. Даже в тех случаях, когда в статье обсуждаются вопросы истории хозяйства (например, «культура»), в фокусе – человек с его представлениями о мире. Иначе говоря, точка, из которой ведется наблюдение, это не только историк-медиевист (а вслед за ним и читатель), но и человек средневековья с его собственной, только ему присущей системой координат.

Именно поэтому в сфере нашего внимания неизменно остается индивид, человеческая личность. При этом нас занимают не одни только выдающиеся персонажи, оставившие впечатляющие свидетельства о самих себе: Аврелий Августин, Гвибер Ножанский, Альберт, Данте или Петрарка, – но и авторы “второго плана” или почти вовсе неизвестные, такие как Салимбене, Бертольд Регенсбургский или Опицинус de Canistris. Но поиск личности не ограничивается исповедями, апологиями или автобиографиями, – этот поиск продолжается и при обсуждении возрастов человеческих, “великой” и “малой” эсхатологии или “зачатков” портрета. В любом случае мы не оставляем индивида наедине с самим собой, ибо не забываем о том, что он всегда и неизменно принадлежал к группе или нескольким коллективам, и лишь обособляясь в них, мог сделаться личностью.

Гдва ли правильно было бы умолчать здесь о такой особенности словаря, как значительный объем большинства статей. Мы стремились избежать скороговорки, неминуемо влекущей за собой поспешность и схематичность изложения.

Надеюсь, что именно поэтому словарь будет полезен и интеллигентному читателю вообще, и студенту, и аспиранту, а может быть, и преподавателям, профессорам. Он адресован широкому читателю. Как, я думаю, всякая толковая книга по истории должна

быть адресована читателю более или менее широкому. Историография рассказывает для всех и нужна всем.

Я больше не буду говорить об этом словаре, но передо мной возникает вот такая проблема. Французские коллеги, как я слышал, тоже опубликовали свой словарь. Сопоставление его с нашим было бы весьма интересным, но это особая тема, я сейчас не буду этим касаться. Хотя должен сказать, что некоторые из авторов того словаря оказались среди участников и нашего издания. Но не об этом речь. Главное заключается в том, что один словарь создавался в недрах французской исторической науки, в Школе "Анналов". А другой написан здесь, в Москве, с привлечением преимущественно отечественных ученых за исключением тех иностранных коллег из Германии, Венгрии, Франции, Соединенных Штатов, которых мы сочли необходимым пригласить, поскольку у нас не хватает специалистов и не по всем вопросам мы могли бы высказаться столь определенно.

Словари возникли в разных культурных ситуациях и в рамках разных исторических школ. К чему я клоню?

Изучая французскую историческую науку на протяжении очень длительного времени вплоть до наших дней, беспристрастный историк не может не констатировать по меньшей мере две ее выдающиеся особенности. Первая заключается в том, что на протяжении почти столетия, во всяком случае начиная с первой четверти минувшего века и до наших дней, существовало и продолжает, слава Богу, существовать практически без перерывов научное направление, именуемое Школой "Анналов". Преемственность в работах медиевистов и ранних модернистов способствовала тому, что в традиции этой школы, ориентированной главным образом на исторический синтез, создаются – я ничего не преувеличиваю – шедевры исторической науки. По меньшей мере четыре поколения историков одна за другой продолжают эти традиции, поддерживая высочайшие стандарты исторического знания.

Почему я с таким пафосом это подчеркиваю? В истории русской исторической науки XX века мы наблюдаем нечто иное. Приходится констатировать ряд жесточайших потрясений, спровоцированных не столько внутренним развитием науки, сколько вмешательством судьбы историков и исторического знания сил внешних и враждебных им. Российской науке не удалось сохранить преемственность. Ныне налицо глубокий внутренний кризис нашего исторического знания. В то время как во французской науке сформирована иная система отношений внутри профессионального сообщества. Великие французские историки задали, говоря спортивным языком, такую высокую планку, к которой волей-неволей приходится тянуться и тем, кто сами по себе, может быть, не достигли бы таких выс-

рядом с Блоком, Дюби, Броделем, Ле Руа Ладюри или Гоффом, приходится задуматься: насколько ты сумел приблизиться к достигнутому ими уровню? Непрерывная преемственность историографической традиции и приверженность высоким стандартам ремесла – такова первая из особенностей французской исторической науки, которую мне хотелось бы подчеркнуть.

Вторая ее особенность заключается в том, что французские историки, как правило, за некоторыми, не столь частыми, исключениями, франкоцентричны или, шире, романоцентричны. Основные труды – и тех историков, которых я назвал, и многих других, – посвящены или истории Франции (Северной Франции и Лангедока), или истории Италии, Испании, или всего *monde Méditerranéen* – брошюрованного Средиземноморского мира, с акцентом, разумеется, опять таки на французский background. Экскурсы за пределы романизованного средневекового мира, несомненно, имеют место, но все же французская историческая наука характеризуется, как мне кажется, отчетливо выраженным романоцентризмом. Это естественно, это объяснимо. Я констатирую это как силу французских историков. Но вместе с тем такой подход задает определенный ракурс, в котором рассматривается все Средневековье. Между тем, когда французские историки выходят за пределы романизованного мира, оказываясь на почве Германии или каких-то других стран, то здесь они чувствуют себя, как мне кажется, не столь уверенно. Им уютнее быть “*chez soi*”.

Теперь поговорим *pro domo sua*. Мы, медиевисты, занимающиеся Визангией, безусловно принадлежим Европе, независимо от наших идеологических и личных устремлений. Вместе с тем мы не можем не признать, что, принадлежа к Европе, мы в то же самое время находимся в известном смысле за ее пределами. Мне передавали, что на одной из конференций недавно высокоученые мужи рассказывали анекдот о том, как перемещается граница Европы в истолковании людей, принадлежащих к разным государствам: граница может шататься от Рейна на восток и довольно далеко, но все-таки до Москвы-реки она доходит очень редко, поскольку уже дуновение Урала заставляет думать о чем-то другом, не вполне западноевропейском. Во всяком случае, к Западной Европе нам трудно себя приписать при всем желании.

К чему я клоню? Историки находятся в той позиции, которую Михаил Бахтин определил как позицию вненаходимости. Бахтин отмечает, что историки сплошь и рядом ссылаются на свое обреченное положение: события, о которых они пишут, произошли когда-то, и исследователи уже не могут вжиться в эту ситуацию, не могут переселиться в сознание людей, о которых говорят. Они – вне этого, а потому многое теряют и не в силах восстановить утраченное.

Но Бахтин говорит: есть же другая сторона этой проблемы. Мы в ситуации, которую описываем, и поэтому в силу того, что прошло много времени, целый массив времен между, скажем, тринадцатым веком и веком двадцатым, естественно, что перспектива, в которой мы видим Средневековье, иная, чем у участников и современников описываемых событий. Но она не просто более обедненная (это несомненно: мы многое потеряли и многое уже никогда не обрести, сколь совершенными ни будут наши новые исследовательские методы), она – иная. Внезаходимость во времени позволяет историку, по мнению Бахтина, – и я с ним солидарен – разглядеть то, чего, возможно, не видели средневековые люди, или увидеть это по-новому.

Приведу банальный пример: мы знаем, что предки современных европейцев жили при феодальном строе. Но они не ведали об этом, у них не было даже понятия "феодализм". Тут есть о чем подумать. Но это особая тема, которой я касаться не буду (кстати, о понятии "феодализм" можно кое-что прочитать в обоих упомянутых словарях). Проще говоря, внезаходимость – и приклятье, тяготеющее над современным историком, и вместе с тем преимущество, которым он должен разумно воспользоваться. Это то, что касается внезаходимости по отношению к той эпохе, которую мы изучаем.

Но есть другая сторона вопроса – наша внезаходимость в прошлом, о которой я уже говорил: мы, жители России, – европейцы, но не совсем. Постоянного вида на жительство на Западе у нас нет. Здесь есть некая трудность. Нужно ли видеть в этой пространственной внезаходимости одну лишь нужду и недостаток? Наша слабость понятна: мы не можем так интенсивно работать во французских или итальянских архивах, как это делают западные историки. Мы не можем постоянно общаться с выдающимися зарубежными учеными, хотя сейчас такие возможности расширились. Скажем, я впервые попал на Запад только по достижении шестидесяти пяти лет. На что я был способен, когда я "оказал честь" зарубежным коллегам, "состыгившись", наконец, посетить их страны? Насколько я мог "осчастливить" их историческую науку? Это касается ведь не только меня, а целого поколения или двух поколений наших историков.

Мы находимся вне Запада. Но может быть, и из этой нужды можно при некотором интеллектуальном усилии сделать что-то вроде хотя бы маленькой добродетели? А именно: поскольку мы вне романизованного мира, мы можем взглянуть на Европу, которая простирается перед нами, с другой точки зрения и увидеть в ней наряду с Францией, Италией, Испанией или Западным Средиземноморьем какие-то другие регионы: германские, скандинавские, славянские и т.д., которые, как все признают, входили в Европу, и имели свои бесчисленные особенности в социально-экономичес-

политической, идейной, религиозной, повседневной жизни. Что это означает? Наш взгляд на средневековую Европу неизбежно меняется.

Иногда, как показывает история нашей науки, это приводило к самым важным позитивным результатам. Я напому такой банальный всем известный пример: русские историки последней трети XIX – начала XX столетия, поднимавшие вопросы аграрной истории и судеб крестьянства – вопросы, продиктованные жизнью России – отмены крепостного права, – произвели огромный переворот в изучении истории крестьянства Англии, Италии, Франции, Германии и других стран Европы. И такие имена, как Павел Виноградов, Николай Кареев, Иван Лучицкий и ряд других ученых, внесли ценный вклад в развитие исторического знания на Западе. Таким образом будучи маргиналами и аутсайдерами по отношению к Европе, мы все же обречены на второсортность. Мы обрекаем себя на второсортность тогда, когда не формулируем четко перед собой наши цели и не осознаем самокритично и объективно наших возможностей.

Что это означает в настоящее время? Я сошлюсь на пример, который мне ближе. Бахтин с необыкновенной энергией поднял вопрос о народной культуре Средних веков. Тем не менее в своей работе о творчестве Рабле и карнавале великий ученый, как мне кажется, нарушил историческую перспективу. Рассматривая проблему народной (смеховой, карнавальной) культуры в средневековой Европе у Бахтина речь идет не только о Возрождении, но и обо всем средневековье, – он не увидел или не пожелал увидеть того, что фигура Рабле отнюдь не открывает пути к пониманию средневековой культуры. Я полагаю, что романы Рабле скорее блокировали мысль Бахтина, нежели помогали ему понять раннее и классическое Средневековье. Я не собираюсь углубляться здесь в полемику с Бахтиным, тем более что я неоднократно об этом писал. Сказанное не отменяет высочайшей оценки книги Бахтина, но просто тут возникает другая проблема. Едва ли случайно именно русскому ученому принадлежит постановка в столь острой форме вопроса о “низовой” культуре (это лучший термин, наверное), или культуре, которая находится на другом уровне, нежели высокоученая схоластика Фомы Аквинского или Бонавентуры, о культуре безмолвствующего большинства. Я только что упомянул напряженный интерес русских мезоистов к истории крестьянства, простонародья. Дальнейшее развитие мысли вполне естественно и с необходимостью вывело нас за рамки аграрной истории – к загадкам мировиденья этих “людей без фактов и без истории”. Как докопаться до горизонтов сознания этих безымянных людей?

Прежде всего исследователю необходимо освоить их язык.

Марк Блок, по-моему, в "Феодалном обществе" пишет (это частное замечание, но, мне кажется, огромного эвристического потенциала): землевладелец заключает поземельную сделку с каким-то крестьянином; эта сделка оформляется писцом, клириком, т.е. лицом духовного звания; контрагенты договариваются между собой на родном языке, а писец-клирик пишет этот документ по-латыни. Марк Блок говорит: историку нужно каким-то образом представить себе, что за латинскими терминами, которые были унаследованы от античных времен и скорее всего получили какую-то новую нагрузку, новую интерпретацию, скрывалось в родной речи, т.е. в стихии сознания этих контрагентов? – Потребен обратный перевод. Там был перевод с родного языка на латынь – здесь перевод с латинского языка на язык их понятий. Огромная трудность. Но историк, работающий в Москве, не концентрирующийся только на романизованном мире и видящий поэтому Европу в другой перспективе, предполагает возможностью на английском, но в особенности скандинавском материале получить необычайное богатство источников, написанных на том языке, на котором люди думали, говорили и изображали себе мир.

И тогда нас поражает терминологическое изобилие, богатство оттенков смысла, каковое явно не могло найти эквивалентов в языке церкви и официальной культуры. Такого рода находки, судя по всему, возможны как раз на периферии, в регионах, которые подверглись христианизации, романизации и латинизации позднее и в меньшей степени, нежели области Центральной и Южной Европы. Если это так, то, по правде говоря, исследовательская проблема отнюдь не сводится к вышеупомянутому обратному переводу. Проблема культурно-языковая, – речь идет по сути дела о перемещении наших поисков на другой уровень социальной и культурной действительности.

Здесь открываются новые возможности. Я надеюсь, присутствующие поняли, что я имею в виду. Наша позиция внеаходимости может в определенных случаях предоставить нам некоторые преимущества. Если действовать с умом, мы можем, оставаясь москвичами и испытывая все невзгоды, которые на нас обрушила история – прошлая, и современная, – тем не менее все-таки увидеть средневековую Европу не совсем так, как ее видят те, кто является ее прирожденными хозяевами. Особенности нашей познавательной ситуации амбивалентны: ограничивая наши возможности в одном отношении, они могут дать нам преимущества в другом. Только надо их осознать и умело ими воспользоваться.